

КП Москва (прил. к Крмс. правде), 2000 — 9 июня — с. 16

Фото Олега Королева

Светлана Конеген:

В крепдешине и перманенте вы меня не увидите никогда

«Эпатажная», «неординарная», «наглая», «развязная» — имя Светланы Конеген обычно сопровождается примерно такими эпитетами. Похоже, до последнего времени она была этим вполне довольна. Но не сейчас. Свернув на ТВЦ свой предвыборный проект «Мыло», Конеген взялась за новую программу, заявив при этом, что в «Деликатесах» кардинально меняет и имидж, и творческую ориентацию.

Тем не менее автор «Здравствуйте», начиная интервью, предпочел на всякий случай (Конеген — дама непредсказуемая) определиться:

— Насколько прямыми могут быть вопросы? Бить не будете?

— Поскольку я сама приехала к известной жесткости в общении, то допускаю ее и в отношении себя. Что касается драки, то это не мой жанр. Я умею только кусаться, щипаться и царапаться. Показать?

— Недавно на ТВЦ вышла ваша новая программа «Деликатесы». Кажется, вы наконец остепенились.

— Предыдущий проект — «Мыло» — был полити-

ческим комиксом и предполагал бешеный напор и всяческое безобразие. Смысл «Деликатесов» в другом. В первую очередь здесь ценна информация. И если при этом пугать зрителя, он вряд ли будет способен проглотить ее, не поперхнувшись. Тем более что гостями передачи бывает очень разнообразная публика — от крупных ученых до людей самых неожиданных: транссексуалов, лилипутов и

т. д. Сами понимаете, общаться с ними надо предельно деликатно. А иногда и с нежностью.

— Значит, желание отвязываться у вас вызывают только политики?

— Я никогда не делаю ставку на агрессию, что же я — сумасшедшая? Если бы я бросалась на всех встречных, меня бы следовало держать не на экране, а на цепи на даче. Но есть люди, в общении с которыми приходится выпускать чуть больше пары, чем обычно. Представьте, если в студии посадить Жириновского рядом с какой-нибудь барышней-веду-

щей, он непременно ее цапнет. В таких случаях я предпочитаю укусьте первой.

— Вам самой нравилось «Мыло»?

— Это было развлекательное шоу — и все. То, что происходило в стране, мы пытались свести к оконча-

Высокие покровители нужны тем, кто не вполне уверен в себе. Этим забавным комплексом я, увы, не страдаю.

тельному абсурду и таким образом освободить зрительское сознание от этой бешеной тяжести. Народ смеялся, а не содрогался, как во время программ Доренко.

— Кроме развлекательного, был и политический момент. Интересно, какую задачу вам поставило начальство — «замочить» Доренко?

— Я не головорез из подворотни и ни с кем не воевала. Я занимала позицию постороннего придурка, который со своей придурной позиции обсуждал политические баталии.

— Тексты для «Мыла»

писали сами? Или просто импровизировали?

— Я всегда пишу сама — чужое авторство для меня неприемлемо. Процесс письма настолько интимен, что в него не впускаются ни мужья, ни любовники. И в этой программе я никогда не импровизировала — жанр комикса такого не предполагает.

— По тому, что все видели на экране, этого не скажешь. Учили слова наизусть?

— У меня хорошая профессиональная память, я могу держать в голове очень много текста — восемь — девять страниц со всеми нюансами.

— Вам не предлагали перейти на другой канал?

— На сегодняшний день все телевизионное пространство очень серьезно перекраивается. Кто на каком канале окажется через пару месяцев, не известно.

— Ничего подобного. Эту версию рассказывал продюсер. На самом деле эта история связана с чисто человеческими проблемами, которые не обязательно пересказывать публично. Телевидение — конфликтная зона, там сталкиваются амбиции, интересы. Кстати, потом канал хотел возратить меня в качестве ведущей, но это было уже невозможно.

— Ходили слухи, что вас поддерживал Лисовский и именно ему вы были обязаны своим пребыванием на канале.

— За какое место, позвольте спросить, он меня поддерживал? Лисовский — бизнесмен и поддерживает лишь то, что ему выгодно. Финансовая и имиджевая отдача от конкрет-

Кремлевская элита более чем лояльно отнеслась к «Мылу», никто на меня не обиделся. К сожалению, я вообще-то люблю провоцировать людей.

ставляешь собой в этой жизни. Но эти секреты я выдавать вам не стану. Я и сейчас на работе.

— Не позволяете себе расслабиться?

— Извините, я на работе не расслабляюсь. И, кстати, в этих рамках чувствую себя совершенно свободно и не страдаю от недостатка поклонников. Это разные люди — от публики с улицы до самых изощренных извращенцев.

— Вы уверены, что народная любовь к вам так велика, как вы об этом говорите?

— Когда я работаю, я думаю о профессиональных задачах, а не о народной любви. В противном слу-

чае я бы давно превратилась в нарцисса, а это бесполезно.

— И все же — какая вы настоящая? Только не говорите, что «белая и пушистая».

— Это не моя лексика.

— Очень часто вы характеризуете себя именно так.

— Боюсь, это сочиняют за меня журналисты, которым просто не приходит в голову ничего более оригинального.

— Но хотя бы иногда, может, дома, вы снимаете эти очки, приглаживаете волосы, надеваете тренировочные штаны и тапочки без задников?

— Я — не сумасшедшая. Я — человек, имеющий свою, достаточно ярко выраженную органику. Я живу в сегодняшней культуре и в сегодняшней эстетике, которую эта культура диктует. И не надо из меня делать ни Сорокину, ни Миткову. Конечно, я меняюсь, но исключительно в рамках своих внутренних возможностей. Естественно, я никогда не надену крепдешинное платье и не сделаю перманент. Разве что только для вас. Персонально.

— Разве вы не сделали все для того, чтобы избавиться от всякой женственности?

— Не всегда нужно верить тому, что я говорю в интервью. На самом деле существует гигантская дистанция между тем, что ты делаешь на экране, вытворяешь с журналистами, и тем, что ты реально пред-

Илья ОГНЕВ.